

Осенью этого года, 23 октября, исполнится 85 лет со дня рождения известного русского писателя Василия Ивановича Белова, а также 5-летие его ухода из жизни – 4 декабря 2012 года.

В. И. Белов – классик современной русской литературы, открывший читателю глубины народного духа, народного быта, народной культуры. Лирические стихи, очерки, повести «Привычное дело», «Плотницкие рассказы», «Воспитание по доктору Споку», роман «Всё впереди», трилогия «Час шестый», пьесы «Александр Невский», «По 206-й», книги публицистики и другие произведения Белова получили широкое признание в России и во многих странах мира. Он автор более 60 книг, общий тираж их превышает 7 миллионов экземпляров, книги переведены на десятки иностранных языков.

При жизни писатель был удостоен за свой труд ряда высоких литературных и государственных наград.

Художественный мир Василия Ивановича Белова поистине огромный, как великий океан, его не окинешь взглядом и не вычерпашь. И он, этот «беловский мир», вместил в себя наиболее значимые общественные явления, выпавшие на долю русскому народу в XX веке.

Не будем забывать, что внутренний мир любого из нас составляют большие или малые события повседневности. Одно из таких, особо важных, событий произошло 28 августа 1992 года – в праздник Успения Пресвятой Богородицы и для Василия Белова.

В тот день состоялось освящение Сохотского Никольского храма, восстановленного руками писателя и на его средства.

Об этом событии – мой рассказ

Храм у чистого озера

1

Помню, накануне, позвонил Василий Иванович, сказал, что закончил делать Никольский храм и пригласил в Тимонику на его освящение.

– Приезжай, будет интересно, – предложил он. – Погода стоит хорошая. Я встречу на подъезде к деревне.

– Ты ведь у меня не был? – уточнил писатель.

– Не был, Василий Иванович, – ответил я.

– Надо побывать, тем более и повод есть, – продолжал Белов.

Я сразу подумал: все дела в Вологде никогда не переделаешь, пора отложить их в сторону и съездить, наконец, в знаменитую деревню.

Я пообещал приехать, договорились, что в определенный час буду в Тимонихе.

Ещё раньше возникли какие-то неполадки в моей машине, отправляться на ней в неблизкий путь было рискованно. Поэтому я связался с коллегой, журналистом Е. Соловьёвым, собкором «Известий». Он тоже выразил желание побывать у Белова. Его редакционный «Уазик» был в порядке, и рано утром мы выехали из города.

На исходе лета природа уже обретала первые осенние краски, но ещё ярко и весело сияло солнце. Под ровное гудение мотора хорошо мечталось о предстоящей встрече. Поскольку мы ехали к известному мастеру слова, то и мысли вращались вокруг того, в чём же состоит назначение писателя.

«Зеркало!» – подумал я.

Конечно, зеркало. А что ещё?!

Взгляни в него – увидишь себя и ещё многое чего вокруг, что составляет суть многотрудной

жизни человеческой. Так и литература, помимо нашего желания или нежелания, была и остаётся зеркалом всего, что происходит в обществе.

И писатель – то же зеркало сам по себе, ибо в нём отражается окружающий мир.

В современном разномастном потоке словесности, поднявшем на поверхность не только светлое и возвышенное, но и тёмное, потаённое, порой даже бесовское, голос ведущих русских писателей стал, кажется, совсем приглушённым, едва различимым в громком «хоре», воспевающем «голубое сало» или какой-нибудь антиправославный «цветочный крест».

Но так ли уж всё уныло?

Если вдуматься, впечатление это – о приглушённости голосов русских писателей – скорее обманчивое. Нет, голоса их продолжают звучать. Только звучат они теперь уже не на всю страну, как это было в Советском Союзе, а, так сказать, в масштабах «местной аудитории», локально – «внутри региона». Да, вне сомнения, русским писателям трудно: и в бытовом – житейском смысле, и в творческом, трудно находить выход к читателю и поддержку у читателя. Ведь в конечном итоге писатель и трудится-то ради читателя, чтобы облагородить и укрепить его душу.

И всё же русские писатели, поддерживая великие литературные традиции, не ушли в затвор на «вынужденное молчание», а продолжают служить своему призванию, своему народу.

Это подтвердил и Василий Белов, когда недавно выступал на полувековом юбилее Вологодского отделения Союза писателей России. «Где исток нашей организации? – обратился он к литераторам. – Я думаю, он берёт начало от молитв Даниила Заточника, стихов Константина Батюшкова, пророчеств Николая Клюева, пронзительной лирики Николая Рубцова. Служение России, Слово было и будет главным смыслом жизни писателя на этой многострадальной земле».

Пожалуй, лучше и не скажешь!

Стояние в Слове – в этом и весь Василий Белов.

...Мы уже свернули с автострады, ведущей на Архангельск, и теперь катили по владениям лесного царя Берендея, они казались бескрайними. Вдоль песчаной грунтовки над ней столбом стояла пыль, тянулись убогие северные деревеньки, свидетельствуя о страшно ненормальном отношении к земле-кормилице нынешних людей. Я имею в виду не только тех, кто живёт в глубинке, но и всех, кто ходит по асфальту. Лишь немногие сёла сохранили настоящий крестьянский уклад. Дорога начинала утомлять однообразием.

Но вот, наконец, вдали возникла маковка церкви и крест на ней – их хорошо было видно с холма, на который мы въехали. Они всё приближались и приближались. Кажется, мы добрались. Да, далеко от «цивилизации» затерялась родная деревенька писателя – Тимониha.

Навстречу нам по колее, разрезавшей поле, катила красная «Нива», за рулём я сразу узнал Василия Ивановича.

Мы притормозили, вышли на улицу.

– Встречайте гостей! – протянул я руку Василию Ивановичу.

Он крепко пожал ладонь, скупно улыбнулся.

– Припозднились вы что-то, – слегка укорил писатель. – Служба почти закончилась. Но отец Георгий ещё в храме и народу там полно.

Василий Иванович отозвал меня в сторону.

– Это кто с тобой? – спросил он, показывая на моего коллегу.

Я ответил, объяснил, что вынужден был воспользоваться машиной собкора.

– Нет, – запротестовал Белов, – с «Известиями» не хочу разговаривать, это такое русофобское издание...

Я почувствовал себя неловко. Что делать? Не назад же ехать моему коллеге! Всё-таки Василий Иванович, ещё раз выслушав меня, внял объяснениям, махнул рукой – мол, ладно. Мы сели к нему в «Ниву» и поехали на берег Сохотского озера, где только что освятили храм и состоялся торжественный молебен.

Вокруг действительно было много народу. Все радовались необычному событию – возвращению Храма к его изначальному назначению.

Будто невеста в подвенечном уборе, стояла церковь Николая Чудотворца на Сохте – такая красивая, откуда ни посмотри! Задержишь на ней взгляд, и душу наполнял дивный покой, охватывало умиротворение.

Эта церковь упоминалась в окладной книге Вологодского уезда в 1691 году. Видимо, тогда она была деревянной, а оделась в камень позже – в 1842 году. Главные святыни в ней – икона Божьей матери «Казанская» и икона Успения Пресвятой Богородицы.

И вот, как раз в праздник Успения, произошло освящение храма после его ремонта, сделанного писателем Беловым.

Такое удивительное совпадение!

Мы вступили в Храм, Василий Иванович начал показывать и рассказывать, что он делал. Тут подошёл священник – отец Георгий из Вологды – и поделился своими впечатлениями о событии.

– Многие люди, которые будут соприкоснуться с этим храмом, – сказал он, – начнут спасать свои души, возрождать наше Отечество – Святую Русь. Слава Богу, прошло сегодня всё очень хорошо. Мы очень довольны.

Как всё замечательно организовано Василием Ивановичем, и люди пришли, хотя храм на отшибе.

Прекрасно так!

Главное – такое единение духовное, восторг, радость!

85 человек приняли Святое Крещение в этом храме вчера и сегодня – это же прекрасно!

Люди тянутся к Вере, люди ищут её. Видимо, это необходимо, Слава Богу!

Великое дело!».

Ещё священник Георгий вспомнил, что он участвовал в освящении Храма Андрея Первозванного в Вологде. А здесь, на Сохте, он впервые самостоятельно освящал церковь.

– Так что это моё «боевое крещение», – добавил он.

Моё внимание снова вернулось к Василию Ивановичу. Я попросил его рассказать в деталях, как проходило восстановление Храма. Накануне я уточнил по историческим источникам, что в 1920-е годы церковь в честь Николая Чудотворца закрыли: зимнюю часть, колокольню разрушили, а в летней части устроили школу. Знал я также и о том, что Белову помогали его друзья – кинооператор

Анатолий Заболоцкий из Москвы и известный художник, академик живописи Валерий Страхов из Вологды.

Мне удалось сохранить запись рассказа Белова.

Для читателя я воспроизвожу его таким, каким он был, без какой-либо правки.

Говорит Василий БЕЛОВ:

– Третье лето я строю церковь. Когда я увидел, что её растаскивают, мне стало жаль её.

Тогда ещё лес и кирпич были не очень дорогими. Я на полученный гонорар купил всё и привёз сюда в Сохту.

Начали мы с того, что выгребли из церкви всякий хлам, удобрения. Но всё равно запах такой – всё пропиталось удобрениями.

Потом начали вести кирпичную кладку – кирпич, цемент.

Это всё – новая кладка, видите!

Всё было выломано – вон до того места, видите, почти до сводов.

А с той стороны тоже дыра была.

Освещал церковь отец Георгий из Вологды. Он быстро приехал. И спасибо ему. Народу на освещении было много.

– *Василий Иванович, а для проведения постоянных богослужений будет ли здесь священник?*

– Не знаю. Это уж пусть решают прихожане. Как они решат – не знаю. Вот сегодня собирали деньги, много денег. Дом надо священнику. Может, будут приглашать, но приглашать им не выгодно.

– *Василий Иванович, а православный приход будет на сколько деревень?*

– Да во всем районе нет ни одной церкви, всё разрушено. Только в самом Харовске какая-то деревянная церковь одна есть. Раньше в каждой деревне часовни были и приходы были. В Ильинском приходе – восемь километров отсюда – прекрасная была церковь.

В это время из храма вынесли младенца, который плакал на руках у молодой мамы.

– Вот уже и покрестили – видите, – сказал Белов. – Испугался чего-то!

Василий Иванович засмеялся.

Василий БЕЛОВ продолжал:

– У меня прадед и отец были очень религиозными. А дядя почему-то не любил священников. Я боюсь, что он был неверующим – он Гарibaldi читал, Реннако читал какого-то. Вообще, как я думаю, народ неглубоко воспринял христианство, иначе бы и революции не было бы, а так сохранилось язычество – бей, круши, бунтуй. Но хозяйственником Иван Михайлович был отменным – вводил севообороты, горох начал сеять и вообще мастеровой был. Но священников не любил. А вот один из прадедов был верующим. И все бабки и прабабки были, конечно, верующими.

Я в этом здании, – Василий Иванович показал рукой на стены храма, – в школе учился. Школа здесь была. Первый и второй класс кончал я тут. «Интернационал» нас заставляли петь здесь в храме. Ещё до войны я пошёл в первый класс, я с 1932 года.

Василий Иванович, а иконы в церкви откуда? Я вижу тут большие красивые иконы!

– Две иконы – «Тайная Вечеря» и другая – мои, я отдал сюда в храм. Икона «Богоматерь» у меня над кроватью висела в моём доме в Тимонихе. Обычная Богоматерь. А икону «Спасителя» вот Валерий Страхов купил и сам отреставрировал и подарил нашему храму, а одну икону принесли вон из той деревни, вон хозяин.

Белов показал на хозяина иконы. В это время мы уже вышли из Храма и стояли на улице.

Это был Громов Леонид Александрович из деревни Алферовская. Громов подошёл к нам, мы с ним познакомились. Он коротко рассказал, как хранил эту икону.

Я снова беседовал с Василием Ивановичем.

– *А когда закрыли церковь? – спросил я писателя.*

– Одновременно всё происходило, колхозы начинались и церкви разрушались, – ответил Василий Иванович.

Подошла какая-то женщина, знакомая Василия Ивановича, из окрестной деревни, вступила в наш разговор, добавила:

– *Ломали её! Отец Николай, священник, был арестован ещё до начала колхозов.*

Леонид Громов тоже вступил в разговор:

– Уже всё было заготовлено, чтобы крышу на церкви стихнуть.

Василий Иванович продолжал:

– Да, деревни, знаете, какие большие были? В нашей Тимонихе было 26 домов, а сейчас 4 осталось. Вот! И вся Россия так же, учти, братец (это Белов так обратился ко мне), северо-западная я имею в виду. На юге, может, получше было.

Сорок шесть человек у нас было в первом классе, когда я учился. И почти все погибли. Один или два осталось. И всё. Но погибли не на войне. После войны. Наш год на войну не попал. Моложе меня уже лежат на кладбище. И все почти смерти связаны с вином. Я об этом уже писал статью. Второй раз повторяться не охота.

– Везде дворов понастроили, а домов не строили, – недовольно сказал Василий Иванович.

Это он по поводу того, что внизу от церкви, под склоном отлогого берега, ближе к озеру, стоит полуразвалившаяся ферма – бывший скотный двор. И сейчас вот тут построили летнюю дойку так называемую, вон там за кладбищем.

– В Тимонихе пять домов вместе с моим. Пенсионеры живут и один холостяк. Не может жениться, девчонки не остаются. Мужчин всех убили на войне. Потом Хрущёв начал зорить, когда объединял колхозы. А были прекрасные колхозы, даже во время войны они не бедствовали. Работников было много. А как объединили, от Лукина и туда дальше – сорок километров. Это был способ уничтожить остатки сельского хозяйства. Да! Так что погубили деревню централизованным порядком, государственными мерами.

С улицы мы опять вошли в храм.

– *Росписи, Василий Иванович, это что остатки?*

– Их соскребали когда-то лопатами. Замазывали. Восстановить их можно, но очень дорого. Пусть смотрят, что сделано.

Мы вышли из храма и немного прошли к озеру.

– Озеро Сохотское, – показал рукой вперед Белов. – Речка Сохта. Она сейчас маленькая стала, на моём веку прекратила существование. Леса вырубил. Там озеро в лесу есть, из озера вытекает эта речка Сохта. Впадает в Уфтьюгу, а она в Кубенское озеро.

– *Василий Иванович, а Вы делали всю эту работу в храме как, на чём?*

– Да вот верстак у меня до сих пор в амбаре стоит. Хороший верстак. Как раз дядюшкино наследство. Он винты вёз аж со Шпицбергена. Ну, свет когда провели, у меня есть дрель, пила электрическая – облегчила немножко. Московский гость привёз рубанок шведский электрический, а то ручным строгать тяжело было.

СОЛОВЬЕВ (собкор Известий) обратился к Белову:

– Ну, а дальше-то что тут, Василий Иванович? Тут ещё, ой-ёй, сколько работы?

БЕЛОВ:

– Дальше пусть прихожане действуют, надо пристраивать паперть, многое чего надо. Пусть приход сам решает.

К Белову подошёл какой-то молодой парень, обратился:

– *Мой отец говорил, что Белов был озорником в школе, на гармошке играл.*

БЕЛОВ: – *Чего? Я могу тебе хоть сейчас, давай гармонь – дык и сыграю.*

ПАРЕНЬ: – *Гармонь-то у меня дома есть.*

БЕЛОВ: – *Есть! А ты чего не играешь?*

ПАРЕНЬ: – *Слуха нет, медведь на ухо наступил.*

Мы дружно рассмеялись.

Василий Иванович продолжал рассказывать про округу:

– Деревни рядом стояли – это Заозерье, дальше Алферовская, там – моя Тимониха, дальше там Чичериха, Печиха, там ещё за рекой были деревни; все они в куче были, и на эти деревни был здесь приход в Никольском. Об особенностях говора деревень: даже артикуляция разная была. А сейчас. Сейчас даже в Нью-Йорк приедешь, то же одно говорят.

– *Василий Иванович, а высота здесь большая какая, когда вы крест водружали?*

– Не знаю, – ответил он. – Довольно высоко!(засмеялся). Качалось всё – вот так! Оттуда видно всю округу далеко.

– А как вы туда забирались-то?

– Там леса – по лесам. Леса я сам строил. Крыша на куполе – железо, 130 лет, сохранилось железо. Но всё простреленное – дробью, картечью, пулями. Палили по галкам или просто так. Мне пришлось тампоны делать.

– А крест сам как, по веревке поднимали?

– Крест-то сам дубовый, он не тяжёлый, – ответил писатель. – Просто по лесам шёл, на себе нёс, поднимал – и всё.

Перед алтарём в храме я обратил внимание на два дорогих подсвечника, спросил про них у писателя.

– Их подарили нашей Никольской церкви русские эмигранты из Америки, – пояснил Василий Иванович. – Это Михаил Юрьевич и Петр Юрьевич Хлебниковы. Один из них гостил у меня летом – Михаил, он живет в Нью-Йорке, и брат его там, он работает в газете «МЫ».

Моё любопытство, в основном, было удовлетворено. Я выключил диктофон, а коллега воспользовался этой паузой и приступил к Василию Ивановичу со своими вопросами.

– А Вы могли бы по совместительству быть в Никольской общине? – спросил он писателя.

– Мне некогда! – отрезал Белов. – У меня своё дело стоит.

Между ними завязывалась беседа. А я, чтобы немного развеяться, стал спускаться к Сохотскому озеру – хотелось полюбоваться его окрестностями.

Озеро действительно очаровывало. А чем? Трудно объяснить; не было в нём какой-то «изюминки», но оно притягивало к себе. Местные жители называли озеро «Чистая слеза», что, наверное, близко к истине.

Родная сестра Василия Ивановича – Александра Мартемьянова, писательница, автор стихов и прозы, в одном из очерков так писала об Сохотском озере: «Внезапно набежит грозовая тучка, потемнеет ликом зеркальная гладь. Игривая волна разбежится из глуби и, стихая, достигнет зелёного бережка, где шепчутся грустные ивы, где сочные травы и россыпь полевых цветов. Волна ослабляет напор, замирает на прогревом песчаном плёсе, ласково пошлёпывая о забереги. До боли напоминают эти шлепки бережные прикосновения ладоней мамы к нежному тельцу дитяти. Речка Сохта может пересохнуть, но озеро – вечно свежо, не мелеет, ибо питается реликтовыми подземными водами».

Когда я возвратился от озера к храму, то увидел картину, которая меня, честно говоря, удивила. Василий Иванович и Соловьев сидели чуть ли не в обнимку на лавке у могилы Анфисы Ивановны, матери Белова, и о чём-то горячо говорили.

– А как я искал могилу отца, погибшего под Смоленском? – спросил писатель. – В трёх братских могилах искал его. Только в одной братской могиле в списке было одиннадцать Беловых...

– Да! – сочувственно воскликнул коллега.

Ещё несколько часов назад, когда я упомянул название «Известия», писатель как бы с большим недоверием отнесся к незнакомцу. Теперь же, похоже, проникся к нему доверием, посвящал в какие-то сокровенные чувства.

Русский характер – ни дать, ни взять!

Многое в характере, как признавал и сам Василий Иванович, он взял от родной матери. «Как от удара молнии, сердце твоё заплачет при виде немощной женщины, – вспоминала о матери Александра Ивановна. – Казалось, годами всё могла, всё умела, как-то умудрялась не болеть – но ведь этого не может быть, что не болела! Значит, ради спокойствия в семье умела не показывать, скрывать свои немощи! О, мама, какой пример подавала нам, какой образец стойкости, выносливости – и без слов, без внушений. Всё это не напрасно, не кануло в бездну. В слове Василия Белова слышатся, звучат посеянные примером мамы мудрые слова о бесконечном терпении, об умениях, о деловитости и о пагубности безделья. Выдумка, юмор, находчивость – всё от неё».

Я и Соловьев засобирались домой в Вологду.

– Надо же вам хотя бы чаю попить! – заволновался Василий Иванович. – Как же так уехать?

– Ты же не был у меня в доме? – спросил меня Белов.

– Нет, Василий Иванович, не был, – сказал я.

– Тогда я вас не отпущу, – решительно произнёс писатель. – Поехали в Тимонику, тут рядом.

Мы опять сели в «Ниву» к Василию Ивановичу, а соборовский «Уазик» покотился следом.

Проехав поле, мы оказались в деревне Тимониха, и Василий Иванович пригласил нас в свой дом.

Про дом Белова, с виду обычный, в северном стиле, можно говорить долго. Здесь столько любопытного! От закоряченных в смоле сосновых брёвен в обхват, из которых срублены венцы и крыльцо, до уютной мансарды под крышей, где писатель любил поработать творчески за столом на ранней зорьке. На стенах висят картины-пейзажи, исполненные рукой самого писателя. Показывая мансарду, Василий Иванович достал откуда-то из потайного места большой чёрный портфель.

– Вот в нём то, что пока никто не напечатает, – сказал писатель. – Но когда уйду из жизни, возможно, что-то и пойдёт в печать.

Что это были за произведения, мы, конечно, постеснялись спросить.

На просторной кухне – настоящие деревенские широкие лавки, на которых сидеть гораздо удобнее, чем на городских стульях или креслах. Мы уселись на этих самых лавках, кстати, сделанных Василием Ивановичем. Сестра писателя Александра и с нею ещё какая-то женщина собирали на стол. Задымила свежесваренная картошка, рядом появилась зелень с грядок. В центр стола хозяйка поставила «злодейку с наклейкой», кстати, зелёной наклейкой, похоже, припасёна бутылка была ещё с советских времён. Хотя сам Василий Иванович давным-давно забросил это дело, но нам он предложим отметить событие.

– Пойдите, я совсем забыл, – встал я и пошёл к портфелю. – Я же привёз вам из Вологды письмо. Я передал конверт Василию Ивановичу.

– От Бондарева, – сказал писатель, взглянув на адрес.

Юрий Бондарев, с ним Белова связывали дружеские отношения, сообщал в письме, что Василию Ивановичу присуждена литературная премия имени Льва Толстого.

Мы дружно поздравили Василия Ивановича с наградой.

Какой всё же удивительный был этот день – праздник Успения Богородицы, освящения храма, новость о премии!

Столько событий!

Наверное, на радостях Василий Иванович взял гармонь, сел рядом на лавке и стал играть.

Играл он, конечно, бесподобно!

Играл часто, зазывно, ноги сами просились в пляс.

Потом он менял настроение и заводил какую-нибудь лирическую мелодию.

Это надо было слышать и видеть!

Мы пели разные песни – и русские старинные, и задушевные советские.

И тут отворилась дверь, к столу заглянул известный в округе плотник Осип Самсонов. Сразу подумалось: не прообраз ли это какого-нибудь героя из «Плотницких рассказов»? Осип Александрович, высокий, широкоплечий, решил потрянуть стариной – пустился в пляс, выдавал коленца, да ещё спел пару-тройку частушек, от которых невозможно было не рассмеяться.

Я слушал негромкий говорок Белова, прибаутки плотника Самсонова, и понимал, что герои писателя рождались здесь, на этой грешной и любимой им земле.

Их помыслы и сердца омывали чистые воды Сохотского озера, воды, которые, согласно преданию, скопились от горючих слёз простых русских женщин, великих в своём терпении и в своей любви.